

МОИ ВСТРЕЧИ И БЕСЕДЫ С ЭТИМ ЯРОСТНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Книга, которую вы раскрываете, включает беседы с Александром Александровичем Зиновьевым, состоявшие на стыке двух веков — двадцатого и двадцать первого. Надо ли пояснять, кто он, мой собеседник? Боюсь, что сегодня, в условиях тотального господства пошлого гламура, навязывающего своих «звезд», это имя уже кому-то и не известно. К тому же есть и серьезные содержательные причины, чтобы замалчивать его в «демократических» изданиях и на телевидении.

Между тем это, безусловно, один из виднейших, талантливейших наших соотечественников, выдающаяся и разносторонне одаренная личность, внесшая значительный вклад в науку, литературу, публицистику и широко известная в мире. Личность спорная? Конечно. Отношение к Зиновьеву разнится — от восхищения до категорического неприятия. Причем, замечу, по причинам чуть ли не противоположным. Однако, по-моему, это не снижает, а, наоборот, — повышает интерес к нему.

И особенно интересен для массового читателя, на мой взгляд, именно тот период бурной жизни и деятельности этого человека (роковой период в истории России!), который через наши беседы отражен в представляемой книге. Скажу, что главный герой здесь, пожалуй, историческое время — и то, которое в них анализируется, и будущее, о котором тоже идет речь.

Давайте вспомним, когда и как после долгого перерыва вновь зазвучало в нашей стране имя Александра Зиновьева.

А произошло это во время начавшегося разрушения великой Советской державы, получившего кодовое название «перестройка». Еще далеко не все поняли смысл заданного процесса, не иссякла у многих эйфория, вызванная потоком горбачевских обещаний, но уже донеслось до нас отрезвляюще и хлестко, будто удар бича: «Не перестройка, а катастрошка!»

Удивительно было, что донеслось это от человека, который по всем признакам, казалось бы, должен приветствовать происходящее. Что знали о нем? Диссидент, выдворен из Советского Союза после опубликования на Западе антисоветской книги «Зияющие высоты», живет в ФРГ... Такому вроде бы только радоваться вместе с другими антисоветчиками, что строю советскому уготована катастрофа, которую он, Зиновьев, предвидит. Но — почему-то не радуется! Наоборот, явственно слышна острая боль за судьбу Советской страны, а оценки в адрес «перестройщиков» настолько убийственно клеймящие и яростные, что не остается сомнений: искренне, глубоко, всей душой не приемлет он ломку, учиняемую в родной стране и грозящую нашему народу колоссальными утратами.

Очень трудно было понять логику чувств этого человека, признанного на Западе не только выдающимся писателем, философом, социологом, но и логиком. А тут вроде бы полный алогизм. Обвинения в нелогичности его высказываний и поступков, в их противоречивости потом будут раздаваться нередко, причем как из лагеря идейных врагов, так и от тех, чьи позиции в основном совпадали с занятой им позицией. Например, «нелогичность» и «хвастливость» станут приговором ему в памфлете Владимира Бушина, позволившего себе усомниться даже в военных страницах зиновьевской биографии.

Но такая несправедливость свершится позднее, уже незадолго до смерти Александра Александровича (к сожалению, и близкие по взглядам люди бывают несправедливы друг к другу). А тогда, когда первые отзывы Зиновьева о «перестройке» и ее отцах дошли до нас, когда в стране постепенно начи-

нал выкристаллизовываться массовый антигорбачевский настрой, переросший затем и в антиельцинский, этот вчерашний диссидент-антисоветчик (каким его привычно считали) вдруг твердо занял бескомпромиссное место в рядах непримиримой оппозиции наступающим разрушителям Советского Союза и России.

«Метили в коммунизм, а попали в Россию» — знаменитый ныне афоризм его прозвучит вслед за оценкой «катастрофы» как самый краткий, но в адрес многих сущностно верный вывод.

По отношению к происходившему в нашей стране так называемая третья эмиграция разделилась. Помню «круглый стол», отчет с которого был опубликован в «Правде». Раздел ровно пополам! Двое — Василий Аксенов и Буковский — горячо за. А двое других — Зиновьев и Владимир Максимов — категорически против.

Интервью, которые начинает делать с этими двумя нашими соотечественниками за рубежом парижский собкор «Правды» Владимир Большаков, воспринимаются читателями с особым интересом. Большаков и Максимов находятся в Париже, а Зиновьев — в Мюнхене, так что журналисту для общения с ним придется использовать телефон.

У меня же в Москве все сильнее и сильнее растет желание встретиться с Александром Зиновьевым и задать ему вопросы, которые представляются мне очень важными и которых мой зарубежный коллега почему-то ему не задает.

Вслед за августом 1991-го грянул октябрь 1993-го. Пушкири Ельцина прямой наводкой расстреляли Дом Советов. Зиновьев не просто осудил учинивших эту кровавую бойню — он проклял их, в том числе на страницах газеты «Правда», где я работаю.

Желание поговорить с ним еще более возрастает. И вот поздней весной 1994 года (наверное, это был уже конец мая) такая возможность появляется. Я узнаю, что Александр Александрович приезжает в Москву по приглашению издательства, которое выпустило его книгу.

Это было издательство «Центрполиграф», где и произошла моя первая встреча с ним. Приехали тогда и другие журналисты, хотя слишком большого нашествия прессы не наблюдалось. Телекамер тоже не было. А ведь это первый приезд Зиновьева на Родину после долгого отсутствия! Разве не событие? Я думал: останься он в основном автором «Зияющих высот», не выступи столь резко против пришедших теперь к власти в России, какой бы пышный прием они ему устроили...

Ну а получилось, что едва ли не единственным «приветствием» от «демократических» изданий к его приезду стала статья в «Независимой газете» под характерным заголовком — «Философ-вешатель». Припомнили, что где-то он в порыве ярости бросил: разрушители страны за свои деяния заслуживают виселицы.

Первое мое впечатление о нем, чисто внешнее. Невысокий, но ладно скроенный. Энергичный, подвижный, мгновенно реагирующий. Красивая голова и открытое, располагающее лицо с мудрым взглядом искрящихся молодых глаз. Не притворно простой в общении. Очень приветливый. Или, может, это лишь ко мне, поскольку я представляю одну из немногих газет, где он имеет возможность печататься?

Сразу ему сказал, что хочу побеседовать отдельно, не в этой суетной толчее. Он предложение охотно принял: «Вот когда здесь все закончится, поедem ко мне в гостиницу».

По дороге, когда мы проезжали места, связанные с его детством и юностью (на рубеже двадцатых и тридцатых годов Зиновьева перебрались из глухой костромской Чухломы в столицу), вспоминал, где был дом, в котором они тогда жили, где — школа, в которой он учился, и обо всем говорил очень тепло: об учителях, о товарищах, о читавшихся книгах и об отношениях между людьми в то время.

Остановился он в гостинице «Украина» возле Киевского вокзала. Был теплый и солнечный день со свежей зеленью деревьев, поэтому в стены здания не тянуло, и мы устроились

поначалу на скамейке, разыскав более-менее укромный уголок в сквере. Но потом, когда начавшемуся разговору стали мешать присаживавшиеся поблизости люди, пришлось все-таки перебраться в гостиничный номер.

А разговор, как мне и хотелось, получился, в конце концов, неторопливый, обстоятельный и продолжительный. Никаких ограничений во времени Александр Александрович предварительно не установил. На телефонные звонки, которые иногда раздавались, сперва отвечал коротко, перенося назначенные встречи на более позднее время, а потом и вообще махнул рукой, не беря больше трубку.

Да, я чувствовал встречное его желание говорить со мной. Говорить откровенно — о том, что, как я понял, одинаково остро волновало и его, и меня. Ни от каких моих вопросов он не уходил. Так, кстати, будет и впредь. Не могу сказать, будто абсолютно со всем, что он говорил, я был полностью согласен. Нет. И так тоже впредь будет (особенно в связи с его оценкой значения марксизма на современном этапе). В чем-то сразу возражал ему, а о чем-то после размышлял, пытаюсь лучше разобраться в его утверждениях и доводах.

Но главное, самое главное, ради чего я искал этой встречи и этой беседы, не разочаровывало меня! Ведь смысл, пожалуй, всех основных моих журналистских бесед этого тяжелого, смутного времени на исходе XX века был в том, чтобы глубже постигнуть суть трагедии, происшедшей с моей страной и моим народом. Именно об этом — в первую очередь! — я говорил с Валентином Распутиным и Вадимом Кожиновым, Геннадием Зюгановым и Виктором Розовым, Юрием Бондаревым и Михаилом Лобановым, Станиславом Куняевым и Сергеем Кара-Мурзой... С теми, от кого надеялся услышать что-то интересное и важное не только для меня, но и для тысяч наших читателей.

Вот и с ним, Александром Зиновьевым, — тоже. Мысли о союзе Запада и «пятой колонны» внутри нашей страны, о предательстве тех, кто пробрался к руководству Советской державой, как о подрывном динамите, резкое отрицание идеи, что Советский Союз якобы изжил себя и должен был погибнуть по причинам, так сказать, естественным, — все это на-

ходило сочувственный отзвук и поддержку в моей душе. Как и оценка нашего советского прошлого, которое «демократы» обозвали «черной дырой». Меня крайне возмущало это очевидной несправедливостью. А вот афористическая оценка, данная Зиновьевым в той самой первой нашей беседе: «Советский период — вершина российской истории».

Эту его чеканную формулу я сделал заголовком первой части материала, опубликованного тогда в двух номерах «Правды». Ею, этой частью многочасового диалога, появившейся на газетных страницах 1 июля 1994 года, открывается теперь столь дорогая для меня книга наших бесед.

* * *

Он верно сказал, что их было более двадцати. В книгу я включаю, с моей точки зрения, самые значительные.

Поводы для встреч с ним бывали разные. И я искал этих поводов, старался не упустить ни одного. Вслед за встречей, про которую сейчас рассказал, был его приезд ранней осенью 1997-го. К этому времени в Москве вышло еще несколько его книг, и он прибыл, чтобы на Московской международной книжной выставке-ярмарке участвовать в их представлении. Сам сообщил мне об этом приезде, сам пригласил повидаться.

На сей раз встреча наша состоялась в квартире сестры его жены, где остановились Александр Александрович с Ольгой Мироновной. До открытия выставки-ярмарки оставалось еще некоторое время, чтобы опять-таки поговорить без спешки и суеты. Результатом стали две полные газетные полосы в «Советской России» — под заголовками «Моя революция» и «Необходимость сопротивления». Были опубликованы в середине сентября, и темой одной из них я сделал Октябрьскую революцию — в связи с предстоящим 80-летием ее. Когда это предложил, Зиновьев с радостью тему принял.

А его отзыв на состоявшиеся две очередные публикации стал для меня огромной радостью. Доброе мнение о первых наших совместных материалах, появившихся в «Правде», мне

от него передавали. Теперь же он сам позвонил. Говорил восторженно, благодарил, сказал, что было ему очень много телефонных звонков об этих беседах, и не только из России, а из разных стран.

Пришло и много писем в редакцию. Они дали возможность продолжить разговор при очередном его приезде — в связи с 75-летием со дня рождения, которое отмечалось 29 октября 1997 года. Российская академия социальных наук провела специальную сессию, посвященную его юбилею, где особо запомнилось мне выступление Виктора Сергеевича Розова. Вручали Зиновьеву мантию и шапочку почетного академика. Но и здесь, в обстановке праздника, говорил он отнюдь не празднично. О чем? Конечно, о трагедии, в которую ввергнута Россия. О виновниках этой трагедии. И сколько ярости, гнева, страстного переживания было в этой его вовсе не академической речи!

Да и никогда на моей памяти не бывал он олимпийски спокойным и равнодушным (одна из бесед наших не случайно названа его словами: «Равнодушие — то же предательство»). Он, выдающийся мыслитель, был при этом и очень эмоциональным человеком. Яростным! И в своей любви, и в презрении, ненависти.

Ясно вижу его перед окном номера в гостинице «Украина» тогда, при самой первой нашей встрече. Окно выходило как раз на расстрелянный недавно Белый дом, и он говорил, что всю ночь не мог уснуть, глядя туда и думая о людях, которые там погибли.

— Люди, способные пойти на смерть во имя высокого и святого, вызывают у меня не только сочувствие, но и горячее восхищение, — сказал он. — Очень много думал о них там, на Западе... Если бы тогда я был в Москве, я пошел бы к тем, кого убивали. Чтобы и меня убили тоже. Пошел бы как русский человек, как частица моего народа. Неважно мое отношение к Хасбулатову и Руцкому. Тут мотивы неизмеримо более высокие. Это как во время Великой Отечественной — как бы я тогда ни относился к Сталину, я защищал свою страну, свою Родину...

Чувство Родины у него было очень сильно выражено. С негодованием (опять-таки яростным!) не раз обращался к теме о том, как на Западе хотят «русских вообще вычеркнуть из истории».

— Вы можете себе представить, — спрашивал он меня, — книги по истории математики, где нет Лобачевского и Софьи Ковалевской? Или книги по истории химии без единого упоминания Менделеева? А вот на Западе такие книги все больше и больше издают!..

Запад он изучил очень хорошо. Одна из фундаментальных социологических книг его так и называется — «Запад». И, хотя именно там по-настоящему пришло к нему научное признание, о западном высокомерии по отношению к России всегда говорил с неприязнью.

Его при встречах нередко спрашивали, когда же он вернется, а ему просто негде было жить в Москве. Буквально негде. Очень трудно решался его жилищный вопрос. Собственно, власть и не хотела, чтобы он вернулся. Зачем нужен такой непримиримый критик власти? Поэтому, если для ненавистников Советского Союза и России никаких проблем в этом смысле не было, то истинный патриот России Зиновьев окончательно смог приехать на Родину только в середине 1999-го.

Поселился он с женой и дочкой в северном Чертанове, и теперь этот маршрут до его квартиры на несколько лет становится для меня привычным. Ведь Александр Александрович в эти годы не только преподает в МГУ, Литературном институте и Московском гуманитарном университете (бывшей Центральной комсомольской школе), не только работает над новыми своими книгами, но и не остается в стороне от политических баталий.

Его осенью 1999 года выдвигают кандидатом в депутаты Государственной думы, но тут же, немедленно, предпринимаются все меры, чтобы исключить нежелательного «смутьяна» из кандидатского списка. Повод для разговора об этом с Алек-

сандром Александровичем был очевиден, и такой разговор состоялся. Причем, как ни поразительно, я оказался единственным журналистом из всех наших СМИ, кого привлекла эта тема.

Зиновьев, хотя и называл он себя суверенным государством в государстве, хотя и не состоял в это время ни в какой партии, много раз прямо заявлял о своих симпатиях к КПРФ и ее лидеру. Более того, когда возникла оппозиция к руководителю Компартии со стороны спикера Госдумы, а затем активизировались происки «кротов», направленные на подрыв КПРФ изнутри, он звонил мне и просил, чтобы я специально приехал к нему для бесед обо всем этом. Считал принципиально важным защищать и отстаивать КПРФ, ибо ее идеи, как я понимал, были ему наиболее близки.

Приведу один показательный факт. Когда на телеканале «Культура» рождался новый проект «Линия жизни», начать его решили с Зиновьева. Думаю, потому, что очень уж спорная и неоднозначная, как ныне принято говорить, фигура. Поэтому и «завлекательная». Снималась эта передача в огромном помещении Театрального центра имени В.Э. Мейерхольда (недалеко от станции метро «Новослободская»), и Александр Александрович пригласил меня туда в день съемки.

С чего же начал он здесь свой монолог, когда ему предоставили слово? Сказал так:

— Я — романтический коммунист. Был таковым и остаюсь.

Но вот в передаче, когда ее показали, этих слов уже не было. Да не было и еще очень многого, причем самого политически острого. Обкорнали Александра Александровича до невозможности!

Не потому ли стремился он к встречам со мной, представлявшим «Правду» и «Советскую Россию», что в этих газетах, как нигде, ему давалась полная, неограниченная свобода высказаться? О самом насущном, о том, что особенно его беспокоило, тревожило, жгло душу...

Когда я приезжал, Ольга Мироновна каждый раз старалась создать максимум удобств для нашего разговора. А он всегда был, что называется, в боевой готовности. Говорил настолько

продуманно и четко, словно в голове вся наша беседа сложилась у него уже заранее. Я перебивал какими-то неожиданными, как мне казалось, вопросами, но он и к ним был готов.

Жизнь «подбрасывала» темы. Вот, скажем, вроде бы абсолютно непредвиденный воздушный налет на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 года. Что это? Что за этим? Интересно услышать мнение Зиновьева. И он откликается без колебаний. Беседа «После ударов по Америке» идет в двух номерах «Правды», вызывая массу откликов...

* * *

Я не буду комментировать все наши беседы. В этом нет нужды — вы прочтете их сами. Хочу подчеркнуть еще лишь одно: Александр Александрович всегда считал себя советским человеком и гордился этим. В то время, когда вброшена была в обиход оскорбительная кличка «совок», он вызывающе стал называть себя совком — в знак протеста и презрения к антисоветчикам.

А про себя не раз повторял, что антисоветчиком и диссидентом никогда не был, что к нему эти определения абсолютно не подходят, что он писал как исследователь, ученый, вовсе не ставя задачу подрыва родной страны. Не случайно на Западе, который он сразу после приезда туда начал остро критиковать, появилось выражение: «Зиновьев проскочил по ошибке».

Высоко ставил Ленина и Сталина. С пиететом говорил о великой советской культуре, выделяя среди любимых имен Маяковского и Шолохова. Резко отзывался о Солженицыне.

Когда в «Нашем современнике» я прочитал повесть Зиновьева «Смута», высказал ему свое удивление: «Вы же, Александр Александрович, не были в это время в Советском Союзе, а насколько точно переданы у вас реалии жизни нашего провинциального городка во второй половине 80-х годов...» Запомнился его ответ: «Да я же знал ту жизнь в предыдущие годы. Плюс мое воображение. Да если бы меня заперли даже в одиночную камеру, я все равно смог бы это написать».

Мне было необыкновенно интересно встречаться и говорить с ним. Чувствовал и ответную его симпатию. Последние наши беседы происходили уже на Ленинских Горах, где он получил квартиру в профессорском корпусе МГУ. Самые последние разговоры состоялись в августе 2005-го. Обсудили тогда и некоторые совместные планы на будущее. Он высказал несколько интересных предложений, у меня тоже были идеи, которые пришлось ему по душе. Но...

Болезнь и смерть его стали для меня, как и для всех, абсолютной неожиданностью. Редко в ком кипит столько жизнерадостия, энергии, страсти. Он заряжен был, казалось, на двести лет! И ничего в нем не чувствовалось от старика.

Беседы наши предлагаю в том виде, в каком они были напечатаны тогда, безо всякого редактирования. Даже вводки газетные кое-где сохраняю, чтобы лучше ощущалось время. Это, по-моему, важно. Вы наверняка обратите внимание, что Зиновьев некоторые мысли и факты повторяет не раз. И это я тоже сохраняю: так яснее становится, что же он считал наиболее существенным, что особенно хотел (непременно!) донести до своих читателей.

А его мнение о беседах со мной, которое приведено в открытии этой книги, было высказано редакции альманаха, посвященного лауреатам премии «Хрустальная роза Виктора Розова». Я как раз стал одним из этих лауреатов 2004 года, и при составлении альманаха редакция обратилась к некоторым моим собеседникам, чтобы они что-то сказали обо мне. Вот Александр Александрович и сказал.

Вечная ему память!

Виктор Кожемяко